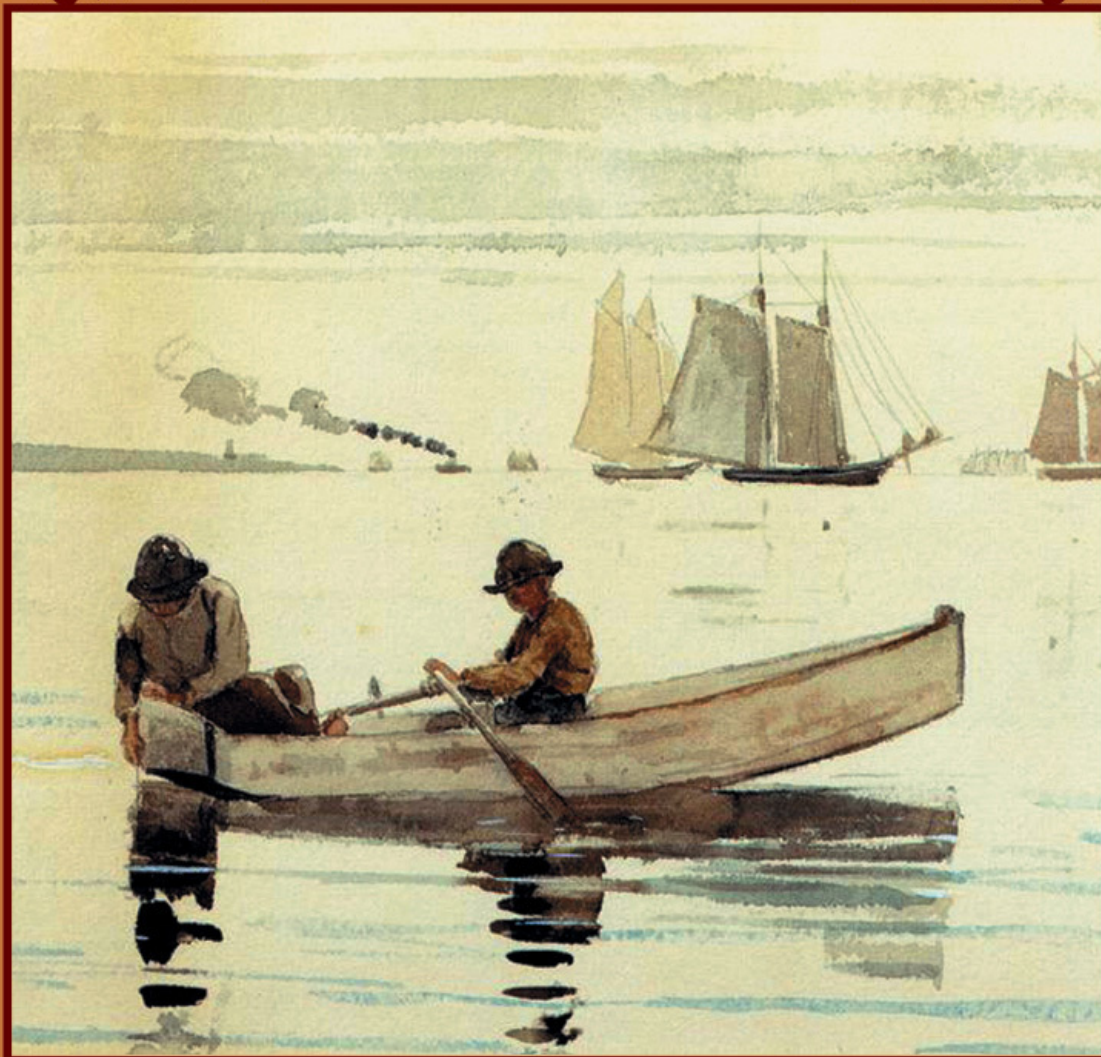

ЭРНЕСТ
ХЕМИНГУЭЙ

✧
Старик и море
Рассказы
✧

✧ ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА ✧

Зарубежная классика (АСТ)

Эрнест Хемингуэй

**Старик и море.
Рассказы (сборник)**

«ФТМ»

«АСТ»

1952

УДК 821.111-3(73)

ББК 84(7Сое)-44

Хемингуэй Э. М.

Старик и море. Рассказы (сборник) / Э. М. Хемингуэй — «ФТМ»,
«АСТ», 1952 — (Зарубежная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-097142-8

«Старик и море». Повесть посвящена «трагическому стоицизму»: перед жестокостью мира человек, даже проигрывая, должен сохранять мужество и достоинство. Изображение яростной схватки с чудовищной рыбой, а затем с пожирающими ее акулами удачно контрастирует с размышлениями о прошлом, об окружающем мире.

УДК 821.111-3(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-097142-8

© Хемингуэй Э. М., 1952

© ФТМ, 1952

© АСТ, 1952

Содержание

Старик и море	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Эрнест Хемингуэй

Старик и море. Рассказы

Ernest Hemingway THE OLD MAN AND THE SEA

Впервые опубликовано издательством Scribner, a division of Simon & Schuster Inc.

© Hemingway Foreign Rights Trust, 1952

© Перевод. Е. Голышева, наследники, 2014

© Перевод. Б. Изаков, наследники, 2014

© Перевод. И. Дорони́на, 2014

© Перевод. В. Вебер, 2015

© Перевод. Н. Дарузес, наследники, 2014

© Перевод. А. Старцев, наследники, 2014

© Перевод. М. Лорие, наследники, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

Старик и море

Старик рыбачил совсем один на своей лодке в Гольфстриме. Вот уже восемьдесят четыре дня он ходил в море и не поймал ни одной рыбы. Первые сорок дней с ним был мальчик. Но день за днем не приносил улова, и родители сказали мальчику, что старик теперь уже явно *salao*, то есть «самый что ни на есть невезучий», и велели ходить в море на другой лодке, которая действительно привезла три хорошие рыбы в первую же неделю. Мальчику тяжело было смотреть, как старик каждый день возвращается ни с чем, и он выходил на берег, чтобы помочь ему отнести домой снасти или багор, гарпун и обернутый вокруг мачты парус. Парус был весь в заплатах из мешковины и, свернутый, напоминал знамя наголову разбитого полка.

Старик был худ и изможден, затылок его прорезали глубокие морщины, а щеки были покрыты коричневыми пятнами неопасного кожного рака, который вызывают солнечные лучи, отраженные гладью тропического моря. Пятна спускались по щекам до самой шеи, на руках виднелись глубокие шрамы, прорезанные бечевой, когда он вытаскивал крупную рыбу. Однако свежих шрамов не было. Они были стары, как трещины в давно уже мертвой безводной пустыне.

Все у него было старое, кроме глаз, а глаза были цветом похожи на море, веселые глаза человека, который не сдается.

– Сантьяго, – сказал ему мальчик, когда они вдвоем поднимались по дороге от берега, где стояла на причале лодка, – теперь я опять могу пойти с тобой в море. Мы уже заработали немного денег.

Старик научил мальчика рыбачить, и мальчик его любил.

– Нет, – сказал старик, – ты попал на счастливую лодку. Оставайся на ней.

– А помнишь, один раз ты ходил в море целых восемьдесят семь дней и ничего не поймал, а потом мы три недели кряду каждый день привозили по большой рыбе.

– Помню, – сказал старик. – Я знаю, ты ушел от меня не потому, что не верил.

– Меня заставил отец. А я еще мальчик и должен слушаться.

– Знаю, – сказал старик. – Как же иначе.

– Он-то не очень верит.

– Да, – сказал старик. – А вот мы верим. Правда?

– Конечно. Хочешь, я угощу тебя пивом на Террасе? А потом мы отнесем домой снасти.

– Ну что ж, – сказал старик. – Ежели рыбак подносит рыбаку...

Они уселись на Террасе, и многие рыбаки подсмеивались над стариком, но он не был на них в обиде. Рыбакам постарше было грустно на него смотреть. Однако они не показывали виду и вели вежливый разговор о течении и о том, на какую глубину они забрасывали крючки, и как держится погода, и что они видели в море. Те, кому в этот день повезло, уже вернулись с лова, выпотрошили своих марлинов и, взвалив их поперек двух досок, взявшись по двое за каждый конец доски, перетаскивали рыбу на рыбный склад, откуда ее должны были отвезти в рефрижераторе на рынок в Гавану. Рыбаки, которым попались акулы, сдали их на завод по разделке акул на другой стороне бухты.

Там туши подвесили на блоках, вынули из них печеньку, вырезали плавники, содрали кожу и нарежали мясо тонкими пластинками для засола.

Когда ветер дул с востока, он приносил вонь с акульей фабрики, но сегодня запаха почти не было слышно, потому что ветер переменялся на северный, а потом стих, и на Террасе было солнечно и приятно.

– Сантьяго, – сказал мальчик.

– Да? – откликнулся старик. Он смотрел на свой стакан с пивом и вспоминал давно минувшие дни.

– Можно, я наловлю тебе на завтра сардин?
– Не стоит. Поиграй лучше в бейсбол. Я еще сам могу грести, а Рохелио забросит сети.
– Нет, дай лучше мне. Если мне нельзя с тобой рыбачить, я хочу помочь тебе хоть чем-нибудь.

– Да ведь ты угостил меня пивом, – сказал старик. – Ты уже взрослый мужчина.
– Сколько мне было лет, когда ты первый раз взял меня в море?
– Пять, и ты едва не погиб, когда я втащил в лодку совсем еще живую рыбу и она чуть не разбила все в щепки, помнишь?

– Помню, как она била хвостом и сломала банку и как ты громко колотил ее дубинкой. Помню, ты швырнул меня на нос, где лежали мокрые снасти, а лодка вся дрожала, и твоя дубинка стучала, словно рубили дерево, и кругом стоял сладкий запах крови.

– Ты правда все это помнишь, или я тебе потом рассказывал?
– Я помню все с того самого первого дня, когда ты взял меня в море.
Старик поглядел на него воспаленными от солнца, доверчивыми и любящими глазами.
– Если бы ты был моим сыном, я бы и сейчас рискнул взять тебя с собой. Но у тебя есть отец и мать, и ты попал на счастливую лодку.

– Давай я все-таки схожу за сардинами. И я знаю, где можно достать четыре наживки.
– У меня еще целы сегодняшние. Я положил их в ящик с солью.
– Я достану тебе четыре свежие.
– Одну, – возразил старик.

Он и так никогда не терял ни надежды, ни веры в будущее, но теперь они крепи в его сердце, словно с моря подул свежий ветер.

– Две, – сказал мальчик.
– Ладно, две, – сдался старик. – А ты их, часом, не стащил?
– Стащил бы, если бы понадобилось. Но я их купил.
– Спасибо, – сказал старик.

Он был слишком простодушен, чтобы задумываться о том, когда пришло к нему смирение. Но он знал, что смирение пришло, не принеся с собой ни позора, ни утраты человеческого достоинства.

– Если течение не переменится, завтра будет хороший день, – сказал старик.
– Ты где будешь ловить?
– Подальше от берега, а вернусь, когда переменится ветер. Выйду до рассвета.
– Надо будет уговорить моего тоже отойти подальше. Если тебе попадется очень большая рыба, мы тебе поможем.

– Твой не любит уходить далеко от берега.
– Да, – сказал мальчик. – Но я уж высмотрю что-нибудь такое, чего он не сможет разглядеть, – ну хотя бы чаек. Тогда его можно будет уговорить отойти подальше за золотой макрелью.
– Неужели у него так плохо с глазами?

– Почти совсем ослеп.
– Странно. Он ведь никогда не ходил за черепахами. От них-то всего больше и слепнешь.
– Но ты столько лет ходил за черепахами к Москитному берегу, а глаза у тебя в порядке.
– Я – необыкновенный старик.
– А сил у тебя хватит, если попадется очень большая рыба?
– Думаю, что хватит. Тут главное – сноровка.
– Давай отнесем домой снасти. А потом я возьму сеть и схожу за сардинами.

Они вытащили из лодки снасти. Старик нес на плече мачту, а мальчик – деревянный ящик с мотками туго сплетенной коричневой леси, багор и гарпун с рукояткой. Ящик с наживкой остался на корме лодки вместе с дубинкой, которой глушат крупную рыбу, когда подтягивают к борту. Вряд ли кто вздумал бы обокрасть старика, но лучше было отнести парус и

тяжелые снасти домой, чтобы они не отсырели от росы. И хотя старик был уверен, что никто из местных жителей не позарится на его добро, он все-таки предпочитал убирать от греха багор, да и гарпун тоже.

Они поднялись по дороге к хижине старика и вошли в дверь, растворенную настежь. Старик прислонил мачту с обернутым вокруг нее парусом к стене, а мальчик положил рядом снасти. Мачта была почти такой же длины, как хижина, выстроенная из крепких прилистников королевской пальмы, которую здесь зовут *guano*. В хижине были кровать, стол и стул и в земляном полу – выемка, чтобы стряпать пищу на древесном угле. Коричневые стены из спрессованных волокнистых листьев были украшены олеографиями Сердца господня и Кобреной Богоматери. Они достались ему от покойной жены. Когда-то на стене висела и цветная фотография самой жены, но потом старик ее спрятал, потому что смотреть на нее было уж очень тоскливо. Теперь фотография лежала на полке в углу, под чистой рубахой.

– Что у тебя на ужин? – спросил мальчик.

– Миска желтого риса с рыбой. Хочешь?

– Нет, я поем дома. Развести тебе огонь?

– Не надо. Я сам разведу попозже. А может, буду есть рис так, холодный.

– Можно взять сеть?

– Конечно.

Никакой сети давно не было – мальчик помнил, когда они ее продали. Однако оба каждый день делали вид, будто сеть у старика есть. Не было и миски с желтым рисом и рыбой, и это мальчик знал тоже.

– Восемьдесят пять – счастливое число, – сказал старик. – А ну как я завтра поймаю рыбу в тысячу фунтов?

– Я достану сеть и схожу за сардинами. Посиди покуда на пороге, тут солнышко.

– Ладно. У меня есть вчерашняя газета. Почитаю про бейсбол.

Мальчик не знал, есть ли у старика на самом деле газета или это тоже выдумка. Но старик и вправду вытащил газету из-под кровати.

– Мне ее дал Перико в винной лавке, – объяснил старик.

– Я только наловлю сардин и вернусь. Положу и мои и твои вместе на лед, утром поделимся. Когда я вернусь, ты расскажешь мне про бейсбол.

– «Янки» не могут проиграть.

– Как бы их не побиили кливлендские «Индейцы»!

– Не бойся, сынок. Вспомни о великом Ди Маджио.

– Я боюсь не только «Индейцев», но и «Тигров» из Детройта.

– Ты, чего доброго, скоро будешь бояться и «Краснокожих» из Цинциннати, и чикагских «Белых чулок».

– Почитай газету и расскажи мне, когда я вернусь!

– А что, если нам купить лотерейный билет с цифрой восемьдесят пять? Завтра ведь восемьдесят пятый день.

– Почему не купить? – сказал мальчик. – А может, лучше с цифрой восемьдесят семь? Ведь в прошлый раз было восемьдесят семь дней.

– Два раза ничего не повторяется. А ты сможешь достать билет с цифрой восемьдесят пять?

– Закажу.

– Одинарный. За два доллара пятьдесят. Где бы нам их занять?

– Пустяки! Я всегда могу занять два доллара пятьдесят.

– Я, наверно, тоже мог бы. Только я стараюсь не брать в долг. Сначала просишь в долг, потом просишь милостыню...

– Смотри не простудись, старик. Не забудь, что на дворе сентябрь.

- В сентябре идет крупная рыба. В мае каждый умеет рыбачить.
- Ну, я пошел за сардинами, – сказал мальчик.

Когда мальчик вернулся, солнце уже зашло, а старик спал, сидя на стуле. Мальчик снял с кровати старое солдатское одеяло и прикрыл им спинку стула и плечи старика. Это были удивительные плечи – могучие, несмотря на старость, да и шея была сильная, и теперь, когда старик спал, уронив голову на грудь, морщины были не так заметны. Рубаха его была такая же латаная и перелатанная, как и парус, а заплаты были разных оттенков, потому что неровно выгорели на солнце. И все же лицо у старика было очень старое, и теперь, во сне, с закрытыми глазами, оно казалось совсем неживым. Газета лежала у него на коленях, прижатая локтем, чтобы ее не сдуло. Ноги были босы.

- Мальчик не стал его будить и ушел, а когда он вернулся снова, старик все еще спал.
- Проснись! – позвал его мальчик и положил ему руку на колено.

Старик открыл глаза и несколько мгновений возвращался откуда-то очень издалека. Потом он улыбнулся:

- Что ты принес?
- Ужин. Сейчас мы будем есть.
- Да я не такой уж голодный.
- Давай есть. Нельзя ловить рыбу не евши.
- Мне случалось, – сказал старик, поднимаясь и складывая газету; потом он стал складывать одеяло.

- Не снимай одеяло, – сказал мальчик. – Покуда я жив, я не дам тебе ловить рыбу не евши.
- Тогда береги себя и живи как можно дольше, – сказал старик. – А что мы будем есть?
- Черные бобы с рисом, жареные бананы и тушеную говядину.

Мальчик принес еду в металлических судках из Террасы. Вилки, ножи и ложки он положил в карман; каждый прибор был завернут отдельно в бумажную салфетку.

- Кто тебе все это дал?
- Мартин, хозяин расторана.
- Надо его поблагодарить.
- Я его поблагодарил, – сказал мальчик, – уж ты не беспокойся.
- Дам ему самую мясистую часть большой рыбы, – сказал старик. – Ведь он помогает нам не первый раз?
- Нет, не первый.
- Тогда одной мясистой части будет мало. Он нам сделал много добра.
- А вот сегодня дал еще и пива.
- Я-то больше всего люблю консервированное пиво.
- Знаю. Но сегодня он дал пиво в бутылках. Бутылки я сдам обратно.
- Ну, спасибо тебе, – сказал старик. – Давай есть?
- Я тебе давно предлагаю поесть, – ласково упрекнул его мальчик. – Все жду, когда ты сядешь за стол, и не открываю судков, чтобы еда не остыла.
- Давай. Мне ведь надо было помыться.

«Где ты мог помыться? – подумал мальчик. До колонки было два квартала. – Надо припасти ему воды, мыла и хорошее полотенце. Как я раньше об этом не подумал? Ему нужна новая рубашка, зимняя куртка, какая-нибудь обувь и еще одно одеяло».

- Вкусное мясо, – похвалил старик.
- Расскажи мне про бейсбол, – попросил его мальчик.
- В Американской лиге выигрывают «Янки», как я и говорил, – с довольным видом начал старик.
- Да, но сегодня их побили.
- Это ничего. Зато великий Ди Маджио опять в форме.

- Он не один в команде.
- Верно. Но все дело в нем. Во второй лиге – Бруклинцев и Филадельфийцев – шансы есть только у Бруклинцев. Впрочем, ты помнишь, как бил Дик Сайзлер? Какие у него были удары, когда он играл там, в старом парке!
- Высший класс! Он бьет дальше всех.
- Помнишь, он приходил на Террасу? Мне хотелось пригласить его с собой порыбачить, но я постеснялся. Я просил тебя его пригласить, но и ты тоже постеснялся.
- Помню. Глупо, что я струсил. А вдруг бы он согласился? Было бы о чем вспоминать до самой смерти!
- Вот бы взять с собой в море великого Ди Маджио, – сказал старик. – Говорят, отец у него был рыбаком. Кто его знает, может, он и сам когда-то был беден, как мы, и не погнушался бы.
- Отец великого Сайзлера никогда не был бедняком. Он играл в настоящих командах, когда ему было столько лет, сколько мне.
- Когда мне было столько лет, сколько тебе, я плавал юнгой на паруснике к берегам Африки. По вечерам я видел, как на отмель выходят львы.
- Ты мне рассказывал.
- О чем мы будем разговаривать: об Африке или о бейсболе?
- Лучше о бейсболе. Расскажи мне про великого Джона Мак-Гроу.
- Он тоже в прежние времена захаживал к нам на Террасу. Но когда напивался, с ним не было сладу. А в голове у него был не только бейсбол, но и лошади. Вечно таскал в карманах программы бегов и называл клички лошадей по телефону.
- Он был великий тренер, – сказал мальчик. – Отец говорит, что он был самый великий тренер на свете.
- Потому что он видел его чаще других. Если бы и Дюроше приезжал к нам каждый год, твой отец считал бы его самым великим тренером на свете.
- А кто, по-твоему, самый великий тренер? Люк или Майк Гонсалес?
- По-моему, они стоят друг друга.
- А самый лучший рыбак на свете – это ты.
- Нет. Я знал рыбаков и получше.
- *Qué va!*¹ – сказал мальчик. – На свете немало хороших рыбаков, есть и просто замечательные. Но таких, как ты, нету нигде.
- Спасибо. Я рад, что ты так думаешь. Надеюсь, мне не попадется чересчур большая рыба, а то ты во мне еще разочаруешься.
- Нет на свете такой рыбы, если у тебя и вправду осталась прежняя сила.
- Может, ее у меня и меньше, чем я думаю. Но сноровка у меня есть и выдержки хватит.
- Ты теперь ложись спать, чтобы к утру набраться сил. А я отнесу посуду.
- Ладно. Спокойной ночи. Утром я тебя разбужу.
- Ты для меня все равно что будильник, – сказал мальчик.
- А мой будильник – старость. Отчего старики так рано просыпаются? Неужели для того, чтобы продлить себе хотя бы этот день?
- Не знаю. Знаю только, что молодые спят долго и крепко.
- Это я помню, – сказал старик. – Я разбужу тебя вовремя.
- Я почему-то не люблю, когда меня будит тот, другой. Как будто я хуже его.
- Понимаю.
- Спокойной ночи, старик.

¹ Что ты! (исп.)

Мальчик ушел. Они ели не зажигая света, и теперь старик, сняв штаны, лег спать в темноте. Он скатал их, чтобы положить себе под голову вместо подушки, а в сверток сунул еще и газету. Завернувшись в одеяло, он улегся на старые газеты, которыми были прикрыты голые пружины кровати.

Уснул он быстро, и ему снилась Африка его юности, длинные золотистые ее берега и белые отмели – такие белые, что глазам больно, – высокие утесы и громадные бурые горы. Каждую ночь он теперь вновь приставал к этим берегам, слышал во сне, как ревет прибой, и видел, как несет на сушу лодки туземцев. Во сне он снова вдыхал запах смолы и пакли, который шел от палубы, вдыхал запах Африки, принесенный с берега утренним ветром.

Обычно, когда его настигал этот запах, он просыпался и, одевшись, отправлялся будить мальчика. Но сегодня запах берега настиг его очень рано, он понял, что слышит его во сне, и продолжал спать, чтобы увидеть белые верхушки утесов, встающие из моря, гавани и бухты Канарских островов.

Ему теперь уже больше не снились ни бури, ни женщины, ни великие события, ни огромные рыбы, ни драки, ни состязания в силе, ни жена. Ему снились только далекие страны и львы, выходящие на берег. Словно котята, они резвились в сумеречной мгле, и он любил их так же, как любил мальчика. Но мальчик ему никогда не снился. Старик вдруг проснулся, взглянул через отворенную дверь на луну, развернул свои штаны и надел их.

Выйдя из хижины, он помочился и пошел вверх по дороге будить мальчика. Его познабливало от утренней свежести. Но он знал, что озноб пройдет, а скоро он сядет на весла и совсем согреется.

Дверь дома, где жил мальчик, была не заперта, и старик вошел, неслышно ступая босыми ногами. Мальчик спал на койке в первой комнате, и старик мог разглядеть его при ущербном свете луны. Он легонько ухватил его за ногу и держал до тех пор, пока мальчик не проснулся и, перевернувшись на спину, не поглядел на него. Старик кивнул ему; мальчик взял штаны со стула подле кровати и, сидя, натянул их.

Старик вышел из дома, и мальчик последовал за ним. Он все еще никак не мог проснуться, и старик, обняв его за плечи, сказал:

– Прости меня.

– *Qué va!* – ответил мальчик. – Такова уж наша мужская доля. Что поделаешь.

Они пошли вниз по дороге к хижине старика, и по всей дороге в темноте шли босые люди, таща мачты со своих лодок.

Придя в хижину, мальчик взял ящик с мотками лесы, гарпун и багор, а старик взвалил на плечо мачту с обернутым вокруг нее парусом.

– Хочешь кофе? – спросил мальчик.

– Сначала положим снасти в лодку, а потом выпьем кофе.

Они пили кофе из консервных банок в закускойной, которая обслуживала рыбаков и открывалась очень рано.

– Ты хорошо спал, старик? – спросил мальчик; он уже почти совсем проснулся, хотя ему все еще трудно было расстаться со сном.

– Очень хорошо, Манолин. Сегодня я верю в удачу.

– И я, – сказал мальчик. – Теперь я схожу за нашими сардинами и за твоими живцами. Мой таскает свои снасти сам. Он не любит, когда его вещи носят другие.

– А у нас с тобой не так. Я давал тебе таскать снасти чуть не с пяти лет.

– Знаю, – сказал мальчик. – Подожди, я сейчас вернусь. Выпей еще кофе. Нам здесь дают в долг.

Он зашлепал босыми ногами по коралловому рифу к холодильнику, где хранилась наживка.

Старик медленно потягивал кофе. Он знал, что надо напиться кофе как следует, потому что больше он сегодня есть не будет. Ему давно уже прискучил процесс еды, и он никогда не брал с собой в море завтрака. На носу лодки хранилась бутылка с водой – вот и все, что ему понадобится до вечера.

Мальчик вернулся, неся сардины и завернутых в газету рыбок. Рыбаки спустились по тропинке к воде, чувствуя, как осыпается под ногами мелкий гравий. Приподняв лодку, они сдвинули ее в воду.

– Желаю тебе удачи, старик.

– И тебе тоже.

Старик надел веревочные петли весел на колышки уключин и, пригнувшись, стал в темноте выводить лодку из гавани. С других отмелей в море выходили другие лодки, и старик хоть и не видел их теперь, когда луна зашла за холмы, но слышал, как опускаются и загребают воду весла.

Время от времени то в одной, то в другой лодке слышался говор. Но на большей части лодок царило молчание, и оттуда доносился лишь плеск весел. Выйдя из бухты, лодки рассеялись в разные стороны, и каждый рыбак направился туда, где он надеялся найти рыбу. Старик заранее решил, что уйдет далеко от берега; он оставил позади себя запахи земли и греб прямо в свежее утреннее дыхание океана. Проплывая над той его частью, которую рыбаки прозвали «Великим колодцем», он видел, как светятся в глубине водоросли. Дно в этом месте круто опускается на целых семьсот морских саженей, и здесь собираются всевозможные рыбы, потому что течение, натолкнувшись на крутые откосы океанского дна, образует водоворот. Тут скапливаются огромные стаи креветок и мелкой рыбешки, а на самых больших глубинах порою толпится множество каракатиц; ночью они поднимаются на поверхность и служат пищей для всех бродячих рыб.

В темноте старик чувствовал приближение утра; загребая веслами, он слышал дрожащий звук – это летучая рыба выходила из воды и уносилась прочь, со свистом рассекая воздух жесткими плавниками. Он питал нежную привязанность к летучим рыбам – они были его лучшими друзьями здесь, в океане. Птиц он жалел, особенно маленьких и хрупких морских ласточек, которые вечно летают в поисках пищи и почти никогда ее не находят, и он думал: «Птичья жизнь много тяжелее нашей, если не считать стервятников и больших, сильных птиц. Зачем птиц создали такими хрупкими и беспомощными, как вот эти морские ласточки, если океан порою бывает так жесток? Он добр и прекрасен, но иногда он вдруг становится таким жестоким, а птицы, которые летают над ним, ныряя за пищей и перекликаясь слабыми, печальными голосами, – они слишком хрупки для него».

Мысленно он всегда звал море *la mar*, как зовут его по-испански люди, которые его любят. Порою те, кто его любит, говорят о нем дурно, но всегда как о женщине, в женском роде. Рыбаки помоложе, из тех, кто пользуется буюми вместо поплавков для своих снастей и ходит на моторных лодках, купленных в те дни, когда акулья печенька была в большой цене, называют море *el mar*, то есть в мужском роде. Они говорят о нем как о пространстве, как о сопернике, а порою даже как о враге. Старик же постоянно думал о море как о женщине, которая дарит великие милости или отказывает в них, а если и позволяет себе необдуманные или недобрые поступки, – что поделаешь, такова уж ее природа. «Луна волнует море, как женщину», – думал старик.

Он мерно греб, без натуги, потому что не спешил и поверхность океана была гладкой, за исключением тех мест, где течение образовало водоворот. Старик давал течению выполнять за себя треть работы, и когда стало светать, он увидел, что находится куда дальше, чем надеялся быть в этот час.

«Я рыбачил в глубинных местах целую неделю и ничего не поймал, – подумал старик. – Сегодня я попытаю счастья там, где ходят стаи бонито и альбакоре. Вдруг там плавают и большая рыба?»

Еще не рассвело, а он уже закинул свои крючки с приманкой и медленно поплыл по течению. Один из крючков находился на глубине сорока морских саженей, другой ушел вниз на семьдесят пять, а третий и четвертый погрузились в голубую воду на сто и сто двадцать пять саженей. Наживка висела головою вниз, причем стержень крючка проходил внутри рыбы и был там накрепко зашит, сам же крючок – его изгиб и острие – был унизан свежими сардинами. Сардины были нанизаны на крючок через оба глаза, образуя гирлянду на стальном полукружье крючка. Приблизившись к крючку, большая рыба почувствовала бы, как сладко и аппетитно пахнет каждый его кусочек.

Мальчик дал старику с собой двух свежих тунцов, которых тот наживил на самые длинные лесы, а к двум остальным прицепил большую голубую макрель и желтую умбрицу. Он ими уже пользовался в прошлый раз, однако они все еще были в хорошем состоянии, а отличные сардины придавали им аромат и заманчивость. Каждая леса толщиной с большой карандаш была закинута на гибкий прут так, чтобы любое прикосновение рыбы к наживке заставило прут пригнуться к воде, и была подвязана к двум запасным моткам лесы, по сорок саженей в каждом, которые, в свою очередь, могли быть соединены с другими запасными мотками, так что при надобности рыбу можно было отпустить больше чем на триста саженей.

Теперь старик наблюдал, не пригибаются ли к борту зеленые прутья, и тихонечко греб, следя за тем, чтобы леса уходила в воду прямо и на должную глубину. Стало уже совсем светло, вот-вот должно было взойти солнце.

Солнце едва приметно поднялось из моря, и старику стали видны другие лодки; они низко сидели в воде по всей ширине течения, но гораздо ближе к берегу. Потом солнечный свет стал ярче и вода отразила его сияние, а когда солнце совсем поднялось над горизонтом, гладь моря стала отбрасывать его лучи прямо в глаза, причиняя резкую боль, и старик греб, стараясь не глядеть на воду. Он смотрел в темную глубину, куда отвесно уходили его лески. У него они всегда уходили в воду прямее, чем у других рыбаков, и в темноте рыбу на разных глубинах ожидала приманка на том самом месте, которое он для нее определил. Другие рыбаки позволяли своим снастям плыть по течению, и порою крючки оказывались на глубине в шестьдесят саженей, когда рыбаки считали, что опустили их на сто.

«Я же, – подумал старик, – всегда закидываю свои снасти точно. Мне просто не везет. Однако кто знает? Может, сегодня счастье мне улыбнется. День на день не приходится. Конечно, хорошо, когда человеку везет. Но я предпочитаю быть точным в моем деле. А когда счастье придет, я буду к нему готов».

Солнце поднималось уже два часа, и глядеть на восток было не так больно. Теперь видны были только три лодки; отсюда казалось, что они совсем низко сидят в воде и почти не отошли от берега.

«Всю жизнь у меня резало глаза от утреннего света, – думал старик. – Но видят они еще хорошо. Вечером я могу смотреть прямо на солнце, и черные пятна не мелькают у меня перед глазами. А вечером солнце светит куда сильнее. Но по утрам оно причиняет мне боль».

В это самое время он заметил птицу-фрегата, которая кружила впереди него в небе, распластав длинные черные крылья. Птица круто сорвалась к воде, закинув назад крылья, а потом снова пошла кругами.

– Почуяла добычу, – сказал старик вслух. – Не просто кружит.

Старик медленно и мерно греб в ту сторону, где кружила птица. Не торопясь он следил за тем, чтобы его лесы отвесно уходили в воду. Однако лодка все же слегка обгоняла течение, и хотя старик удил все так же правильно, движения его были чуточку быстрее, чем прежде, до появления птицы.

Фрегат поднялся выше и снова стал делать круги, неподвижно раскинув крылья. Внезапно он нырнул, и старик увидел, как из воды взметнулась летучая рыба и отчаянно понеслась над водной гладью.

– Макрель, – громко произнес старик. – Крупная золотая макрель.

Он вынул из воды весла и достал из-под носового настила тонкую леску. На конце ее был прикручен проволочный поводок и небольшой крючок, на который он насадил одну из сардинок. Старик опустил леску в воду и привязал ее к кольцу, ввинченному в корму. Потом он насадил наживку на другую леску и оставил ее смотанной в тени под носом. Взяв в руки весла, он снова стал наблюдать за длиннокрылой черной птицей, которая охотилась теперь низко над водой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.